
Роман.

Перевод: В.А.Хинкис, С.С. Хоружий.

Изд. "Республика", М. 93.)

OCR: Андрей Першин -----

□ Часть II, эпизод 12. □

Я, значит, загораю на уголку Арбор-хилл с папашей Троем из ДГП', как вдруг откуда-то прет окаянный трубочист и своей метлой аккурат норовит заехать мне в глаз. Оборачиваюсь, чтобы покрыть его как следует, и тут вижу, кто ж это топает по Стони-баттер, не иначе Джо Хайнс.

- Ха, никак Джо, - говорю. - Как живешь-дышишь? Видал, мне этот рассукин трубочист чуть-чуть глаз не высадил?

' Дублинская городская полиция.

(226)

- Сажа к счастью, - это он мне. - А что это за старый мудила, с которым ты тут?

- Папаша Трой, - говорю, - в полиции служил раньше. Я вот думаю, может, мне привлечь этого очумелого за то, что он создает помехи движению своими метлами да лестницами.

- А чего тебя занесло в эти края? - он мне.

- Так, - говорю, - ерунда. Тут один жулик, бестия, за гарнизонной часовней живет, на углу Чикен-лейн - папаша Трой как раз мне кой-чего шепчет насчет него - наплел, будто у него богатая ферма в графстве Даун, и под этим видом нагреб чертову пропасть чаю и сахару, как бы в рассрочку по три шиллинга в неделю, у одного плюгавого коротышки по прозвищу Моше Герцог, вон там, около Хейтсбери-стрит.

- Обрезанный? - спрашивает Джо.

- Точно, - говорю. - Этак малость с верхушки. Лудильщик по фамилии Герати. Две недели за ним гоняюсь и не могу вытрясти ни пенса.

- Так это и есть твой промысел? - Джо смекает.

- Точно, - говорю. - Как пали сильные! Взыскание злостных и оспариваемых долгов. Но уж этот - самый отпетый бандюга, какого свет видывал, рожа вся в оспинах, хоть дождь в нее собирай. Передайте ему, говорит, чтобы он остерегся, говорит, и дважды бы остерегся, вас еще сюда посылать, а если пошлет, то я, говорит, его привлеку к суду за торговлю без патента, пусть так и знает. А сам за его счет так набил брюхо, что, гляди, лопнет. Я со смеху сдох, как тот еврейчик на себе волосы рвал. Он же пивает моего цаю. И он же кусает моего сахару. Таки цего же он не отдавает мне мои деньги?

За нескоропортящийся товар, закупленный у Герцога Моисея, торговца, место жительства Дублин, Сент-Кевин-пэрейд, 13, квартал Вудкуэй, впредь именуемого "продавец", проданный и доставленный Герати Майклу Э., эсквайру, место жительства Дублин, Арбор-хилл, 29, квартал Арран-куэй, впредь именуемому "покупатель", а именно, чай высшего качества, в количестве пяти фунтов торгового веса, стоимостью по три шиллинга ноль пенсов за фунт торгового веса, и сахар-песок, в количестве сорока двух фунтов торгового веса, стоимостью по три пенса за фунт торгового веса, означенный покупатель обязан уплатить означенному продавцу один фунт стерлингов, пять шиллингов и шесть пенсов, составляющие стоимость товара, каковая сумма означенным покупателем должна выплачиваться означенному продавцу посредством еженедельных взносов, а именно, три шиллинга ноль пенсов каждые семь календарных дней. Означенный нескоропортящийся товар не подлежит употреблению в качестве залога или залога, равно как не подлежит перепродаже либо иным видам отчуждения со стороны означенного покупателя, но должен пребывать и оставаться и содержаться в

исключительной и всецелой собственности означенного продавца, каковой может располагать им по своей воле и усмотрению, покуда означенная сумма не будет полностью выплачена означенным покупателем означенному продавцу согласно вышеустановленному порядку, как о том условлено сего числа между означенным продавцом, его наследниками, преемниками, поверенными и душеприказчиками, с одной стороны, и означенным покупателем, его наследниками, преемниками, поверенными и душеприказчиками, с другой стороны.

- Ты у нас как, строго непьющий? - Джо спрашивает.

- Промеж двумя рюмками в рот ни капли, - говорю.

(227)

- Тогда, может, навестим друга жаждущих? - снова Джо.

- Какого бы? - говорю. - Может, уж он у Убогого Джона с психами, спятил малость, бедняга.

- От собственного зелья? - это Джо.

- Вот-вот, - говорю. - Виски с содовой ударило в голову.

- Заглянем к Барни Кирнану, - это Джо. - Мне бы надо повидать Гражданина.

- Идет, давай к душе Барни, - говорю. - А чего завлекательного на свете слышно?

- Ничем таким и не пахнет, - это Джо. - Я вот на заседании был в "Городском гербе".

- Это еще о чем? - говорю.

- Скотопромышленники волнуются насчет ящура, - говорит Джо.

- Хочу об этом донести Гражданину суровую правду.

И таким манером, болтая о том о сем огибаем мы с ним казармы Линенхолл и бредем задами мимо суда. Славный он малый, этот Джо, когда у него в кармане звенит, только голову на отсечение, что такого с ним не бывает. Да, думаю, не вышло у меня проучить гнусного пройдоху Герати. Грабит среди бела дня. За торговлю без патента, чего придумал.

В стране прекрасной Инисфайл один есть край. То дивный край, земля святого Мичена. Там высится сторожевая башня, всем путникам видна издалека. Могучие покойники там спят, как бы во сне живые пребывая, прославленные воины, князья. Отрадно там журчанье вод, привольных и рыбообильных, где резвятся маслюк и пикша, лиманда и палтус, камбала обыкновенная и калкановая, плотва, сайда и тинда, резвятся без разбору всяческое рыбье простонародье, резвятся и прочие обитатели водного царства, числа коих никому не исчислить. Под дуновеньем ласкающих зефиров с запада и с востока могучие деревья колышут свое первосортное листовое убранство, кедр ливанстии и благовонные сикоморы, платан вознесшийся и целительный эвкалипт, и прочие украшения древесного мира, коими земля эта щедро наделена. Там прелестные девы, усевшись у подножия прелестных деревьев, напевают прелестнейшие мелодии, забавляясь всяческими прелестными вещицами, как то золотыми слитками и серебряными рыбками, бочками сельди и полными неводами угрей, корзинами мальков трески и лосося, багряными дарами моря и шаловливыми букашками. И славные рыцари стремятся со всех концов искать их взаимности, от Эбланы до Сливмарги, несравненные принцы из непокоренного Манстера и Коннахта праведного, с шелковых равнин Ленстера, из страны Круахана и из Армы великолепного и из благородного округа Бойл, принцы, королевские сыновья.

И высится там роскошный дворец, хрустальный купол которого, сияющий тысячами огней, отсюда заметен морякам, что бороздят просторы морей в ладьях, нарочно для этого построенных, и стекаются туда все стада и скот тучный и первые плоды той земли, и О'Коннелл Фицсаймон взимает с них дань, вождь и потомок вождей. На исполинских колесницах туда подвозят плоды полей, мешки капусты, полные отборных кочнов простой и цветной и брюссельской, и капусты кольраби, вороха шпината, консервированные ананасы, рангунские бобы, горы помидоров, связки фиг, груды брюквы, корзины грибов, кабачки, репу, вику, ячмень, и округлые картофелины, и с

радужным отливом луковицы, сии перлы земли, и красные зеленые желтые смуглые розоватые сладкие крупные кислые зрелые покрытые пушком яблоки и лукошки
(228)

земляники и сита крыжовника, сочного и мохнатого, и земляники, достойной принцев, и малины прямо с куста.

Пускай он остережется, говорит, и дважды остережется. А ну-ка, вылезай сюда, Герати, ты, отпетый бандюга с большой дороги!

И туда же устремляются бесчисленные стада племенных овец и могучих баранов с бубенцами, и ягнят, и ярочек, впервые остриженных, и серых гусей, и молодых бычков, и запаленных кобыл, комолых телят, мериносов, овец на откорм, стельных коров от Каффа, отбракованных недомерков, свиноматок и беконных свиней и самых отборных свиней всех прочих разнообразнейших разновидностей свиного рода, телочек из графства Энгус и племенных бычков с безупречной родословной, мясных быков и удойных коров-рекордисток; и никогда там не молкнут топот и гогот, ржанье и бляенье, мычанье и рев и хрюканье и чавканье свиных, овечьих, коровьих орд, пришедших тяжкою поступью с бескрайних пастбищ Ласка и Раша и Каррикмайнса, с пойменных лугов Томонда и неприступных хребтов Макгилликадди-Рикс, с берегов величавого глубоководного Шаннона и с приветливых склонов страны рода Кир, вымена их набухли от преизбытка молока, и там же громоздятся бочонки и кадки масла, головы сыру, бараньи туши, меры и меры зерна, сотни и тысячи яиц, всевозможных размеров, продолговатой формы, цвета агата и мела.

Стало быть, заворачиваем к Барни Кирнану, и там, как полагается, в углу Гражданин, в живой беседе с самим собой, этот его паршивый пес, Гарриоун, при нем, и ждут, когда и чего им перепало бы насчет выпить. - Вот он, - говорю, - в своей берлоге, с кружкой-подружкой, над кипой бумаг, трудясь ради великого дела.

Тут окаянный пес так зарычал, что поджилки все затряслись. Благое дело для общества, если бы кто его наконец придавил. Мне рассказали, он тут однажды в лоск изодрал штаны полисмену, который пришел с повесткой насчет патента.

- Стой, кто идет, - это он.

- Спокойно, Гражданин, - Джо ему. - Тут свои.

- Следовать к месту сбора, - он на это.

И потом трет глаз ладонью и спрашивает:

- Каково ваше мнение о сложившейся обстановке?

Играет патриота-боевика, Рори, засевшего в горах. Но тут, чтоб я лопнул, Джо был на высоте.

- Я полагаю, акции поднимаются, - говорит он, поглаживая себя по ширинке.

И тут, чтоб я лопнул, Гражданин трахает себя по коленке и орет:

- Войны за границей, вот что всему причина!

А Джо на это, колупаясь большим пальцем в кармане:

- Все русские, так и рвутся тиранить.

- Слушай, - это уж я, - ты кончай зубоскалить, Джо. У меня жажда такая, что за полкроны не продал бы.

Джо тогда говорит:

- Назови марку, Гражданин.

- Вино нашей родины, - тот ему.

- Ну, а ты? - это мне Джо.

- Присоединяюсь к предыдущему оратору, - говорю.

- Значит, три кружки, Терри, - говорит Джо. - А как здоровьишко, Гражданин?

- В лучшем виде, радость моя, - тот ему. - Ну как, Гарри? Наша возьмет? У-у!

(229)

И хватает своего шелудивого за шкуру, да так, что из того, еще бы самую малость, и дух вон.

Фигура, сидевшая на гигантском валуне у подножия круглой башни, являла собою широкоплечего крутогрудого мощночленного смеловзорого рыжеволосого густовеснушчатого косматобородого большеротого широконосого длинноголового низкоголосого голоколенного стальнопалого власоногого багроволицего мускулистурукого героя. В плечах он был нескольких косых сажень, а колени его, подобные горным утесам, как и все остальное тело, видное глазу, густо покрыты были колючею рыжеватой порослью, цветом и жесткостью походившей на дикий терн (*Ulex Europaeus*). Ноздри с широчайшими раскрыльями, откуда торчали пучки волос того же рыжеватого цвета, были столь дивно поместительны, что в их сумрачной мгле полевой жаворонок без труда свил бы себе гнездо. Глаза его, в которых слеза и улыбка вечно оспаривали первенство, превосходили размерами отборный кочан капусты. Мощная струя горячего пара размеренно исторгалась из его бездонной груди, и столь же ритмически могучие звучные удары его исполинского сердца громоподобными раскатами сотрясали почву, заставляя содрогаться до самых вершин башню, что вознеслась высоко, и стены пещеры, вознесшиеся еще выше.

На нем было длинное одеяние без рукавов, из свежесодранной бычьей шкуры, свободно ниспадавшее до колен, словно килт, и перехваченное в поясе кушаком из стеблей тростника и соломы. Под этим одеянием имелись штаны из оленьей кожи, грубо сшитые жилами. Нижние конечности его защищали высокие болбригенские гетры, крашенные пурпурным лишайником, а стопы были обуты в башмаки дубленой коровьей кожи, зашнурованные трахеей того же животного. На поясе подвешены были морские камешки, побрякивавшие при каждом движении его устрашающей фигуры; на них грубо, но с поразительным мастерством были вырезаны изображения покровителей кланов, древних героев и героинь Ирландии, Кухулина, Конна Ста Битв, Найла, взявшего девять заложников, Брайена Кинкорского, Малахии Великого, Арта Макморра, Шейна О'Нила, отца Джона Мэрфи, Оуэна Роу, Патрика Сарсфилда, Рыжего Хью О'Доннелла, Рыжего Джима Макдермотта, Соггарта Оуэна О'Грони, Майкла Двайера, Френси Хиггинса, Генри Джоя Маккракена, Голиафа, Горацио Уитли, Томаса Коннефа, Пег Уоффингтон, Деревенского Кузнеца, Ночного Капитана, Капитана Бойкота, Данте Алигьери, Христофора Колу